

Hans Christian
Andersen

KUN
EN SPILLEMAND

Ханс Кристиан
Андерсен

ВСЕГО ЛИШЬ
СКРИПАЧ

РОМАН

*Перевод с датского
С. Белокриницкой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-4
А65

ISBN 978-5-7516-1496-6

© «Текст», издание на русском языке, 2001, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Среди руин, обходить которые придется часа два, особенно выделяется большой храм с почти полностью сохранившимся порталом. Прямо-таки трогательно видеть на самом верху, как раз над каменной орлиной головой, гнездо аиста. Увы, его обитатели только что вселились в свою летнюю резиденцию в Европе, так что, возможно, кто-нибудь из моих любезных читателей видел, как владельцы величественно поднимались в нее, в то время как мне оставалось лишь созерцать пустое гнездо.

Г. фон Пюклер Мускау. Земилассо в Африке

Когда растает снег, когда зазеленеют леса, аисты возвращаются из своего долгого путешествия. Они были в далекой Африке, пили воду из Нила, отдыхали на пирамидах. Жители сицилийского побережья и предгорий вокруг Неаполя говорят, что ежегодно в одно и то же время большие стаи аистов перелетают через море и отдыхают на обрывистых склонах, снизу доверху покрывая их; внезапно они снимаются и летят на север, над альпийскими снегами и облаками, разделяясь при этом на стаи. И, будь стая велика или мала, она не собьется с пути и попадет точнехонько к себе домой. Та, что летит в крохотную Данию, отнюдь не меньшая из всех. Каждая птица знает свой родной залив, знает изгиб леса и белую трубу над зубчатым коньком крыши, где ждет ее гнездо. Удивительные,

загадочные птицы! На ваших спинах в страну влетает бог весны, и леса становятся еще зеленее, трава сочнее, воздух теплее...

Вернулась домой и чета аистов, свившая гнездо на крыше одного флигеля в городе Свеннборге. Дел у них было по горло; сейчас они тащили в гнездо, нуждавшееся в починке, соломенный жгут почти в три локтя длиной, который нашли на земле. Их хлопоты наблюдали и обсуждали двое мужчин. В том, который стоял во дворе, прислонившись к открытому окну, не было ничего сколько-нибудь примечательного, кроме густых черных усов и фуражки военного образца. В комнате сидел на столе человек не менее крепкого сложения. Солдатский кивер лучше выглядел бы на его темных волосах, нежели надетая на нем сейчас полотняная шапочка, сабля в руках подходила бы к ним больше, чем швейная игла, блестящая между пальцами.

Человек за окном был фельдфебель, человек в комнате — портной. Маленький мальчуган прижался носом к оконному стеклу, чтобы лучше рассмотреть аистов, про которых толковали взрослые.

— Курьезные, диковинные, непонятные создания, — сказал фельдфебель, поглаживая усы. — Я бы ни в жизнь не застрелил аиста, пусть мне даже посулили бы за это месячное жалованье. Они приносят счастье тому дому, на котором свили гнездо, недаром наши живут на крыше у евреев.

— Да, гнездо они свили и правда у евреев, — ответил портной. — Но и мы не в обиде. Каждый год они платят свою десятину — яйца снесут, птенцов высидят. А какая потеха смотреть, как они клюют их в шею — ну в точности как будто втыкают иголку! — и вытаскивают из гнезда. А как они кормят птенцов, как учат их летать — ну просто умрешь со смеху! Стоя во весь рост в гнезде, поворачивают длинную шею за спину, клюв у самого хвоста — ни дать ни

взять циркач перегибается назад, чтобы достать с полу серебряный скиллинг. Выгибают шею, поворачивая ее обратно, и выплевывают лакомых лягушат и ужат, которые идут на угощение потомству. Но самое забавное — как аисты учат своих отпрысков летать. Экзерциции проводятся на коньке крыши. Аистята идут шеренгой, балансируя крыльями, как канатные плясуны, потом начинают подпрыгивать, сначала невысоко, потому что тушки у них тяжелые. Каждый год, стоит мне увидеть аистов, возвратившихся из долгих странствий, мне кажется, что это я сам только что вернулся из дальнего путешествия: воспоминания оживают во мне, я думаю о высоких горах, на которые взбирался, о великолепных городах, где дома были похожи на дворцы, а церкви убраны так богато, что напоминали императорскую сокровищницу. Да, приятно побывать в чужой стороне! — вздохнул портной. — Там почти весь год стоит лето. Воистину, мы не дети, а всего лишь пасынки Господни... Но я не о том хотел сказать. Мы ведь говорили об аистах. Невозможно постигнуть до конца всю диковинность этих созданий. Прежде чем улететь в далекие края, они всегда собираются гигантской стаей. Я однажды видел такое собрание под Кверндрупом — несколько сотен, вот это были маневры! Аисты шелкали клювами все разом, так что шум стоял оглушительный. Верно, они обсуждали предстоящее путешествие. Держали совет, и вдруг вся стая накинута на нескольких бедолаг и заклевала до смерти; с дюжину птиц остались лежать мертвыми. Говорят, аисты убивают своих больных и слабых собратьев, у которых не хватит сил для дальнего полета. И вот вся стая взмыла в воздух и давай описывать круги — точно сверло ввинчивалось в небо. Господи, спаси и помилуй! Ну и высоко же они взлетели! Стали похожи на рой мошкары, а потом и вовсе исчезли. А желток-то в яйце у аиста красный, словно огонь или кровь. Сразу видно, что

это яйцо птицы, видевшей солнце. В нем лежит птенец из жарких стран.

— А меня аист тоже принес из жарких стран? — спросил вдруг мальчик, который не отрывал лица от стекла, но тем не менее слышал каждое слово.

— Тебя он выловил у мельничной запруды, — ответил отец. — Ты же знаешь, всех маленьких детей аисты находят у мельничной запруды.

— Но дети же все голенькие! — сказал мальчик. — Как же аист может различать мальчиков и девочек?

— Потому-то он так часто и ошибается, — сказал фельдфебель. — Приносит девчонку, хотя мы ожидали парня.

— Где запруда, там вода, а где вода, там и водочка, — сказал портной, беря карманную фляжку с комода, украшенного чайником и чашками, между которыми сидела нарядная кукла, подобная тем, которые в католических странах изображают Богоматерь.

— Матушка Мария хороша, — сказал фельдфебель. — Не иначе как вы сами ее сделали?

— Голова из Австрии, — ответил портной, разливая водку. — Одежду я сшил сам. Кукла напоминает мне мои юношеские странствия. Дети сажали такую куклу на столик возле входной двери, зажигали перед ней огарок свечи и просили милостыню у прохожих. «Сегодня у Мадонны день рождения», — говорили они. А теперь посмотрите на мою картину «Перевозплощение». Я сам ее сделал. — Он показал на грубо намалеванную цветную картину в большой раме. — Это доктор Фауст посреди своей комнаты, он погружен в размышления о науке. С одной стороны стоят часы, они показывают полночь, с другой стороны лежит Библия. Теперь потяните за вот этот шнур слева. Видите, часы превратились в Сатану, который собирается искушать доктора. А теперь мы тянем за другой шнур, Библия раскрывается. С ее страниц сходит ангел и призывает к миру на земле.

Все происходило именно так, как говорил портной, причем одновременно с каждой фигурой показывался также стишок, передающий искустительные слова дьявола и предостережение ангела. Портной снова потянул за шнур справа, и ангел вернулся обратно в Библию, переплет захлопнулся, а дьявол остался с Фаустом.

— Черт побери! — воскликнул фельдфебель. — И это все вы сами придумали? Надо же вам было стать портным с такой головой на плечах!

— Эту картину я смастерил по образцу той, которую видел однажды в Германии. Я разбираюсь в механизмах. Историю про чародея Фауста я тоже не сам придумал: я видел ее во время моих странствий. Ее представляли в кукольном театре. Ангел восставал из Библии и остерегал доктора Фауста, но часы превратились в Сатану, и, когда ангел исчез и книга закрылась, доктор оказался во власти дьявола. У этого Фауста был еще фамулус, как они его называли, — слуга, прислужник, он знал о договоре хозяина с дьяволом и сам был готов войти в союз с нечистой силой, но вовремя опомнился; в последнем акте спектакля мы видим его бедным и жалким, он служит ночным сторожем в том городе, где живет разбогатевший Фауст. Фамулус знает: стоит ему объявить, что часы пробили двенадцать, как явится дьявол и заберет его господина. Слышится бой часов, фамулус молитвенно складывает руки на груди. «Часы... — кричит он, еле слышным шепотом добавляет: — Пробили», набирает в легкие воздух и... не может или не хочет произнести «двенадцать». Но это не помогает, и Фауст все равно вылетает из своего окна верхом на языке пламени.

— Вы не созданы для портняжного стола, — сказал фельдфебель. — Видеть мир — только это вам и интересно. Военная служба — вот подходящее поле деятельности для вас. Вперед! Шагом марш! Ордена

и медали на груди. Не пройдет и года, как вы станете унтер-офицером...

— А жена и сынишка? — возразил портной. — Ему дудеть в дудку, а ей пойти в маркитантки? Разве это жизнь? Нет, лишь пока ты ничем не связан, перед тобой открыт весь мир. Я только и жил те пять лет, когда был сам себе голова. Деятнадцати лет от роду я не имел ни отца, ни матери, ни возлюбленной. Фоборг, где я родился и пошел в учение, — прелестный городок. Соседская дочь Мария была девушкой на выданье уже тогда, когда меня все еще называли мальчишкой, поэтому я гордился тем, что взрослая красавица, с которой многие хотели бы «подружиться», подавала мне руку и лукаво улыбалась при этом, но желать, чтобы она стала моей возлюбленной, — нет, так высоко я не заносился! К тому же я хотел, когда выучусь на подмастерье, отправиться странствовать, хотел повидать белый свет. И потому, как только у меня приняли пробную работу и дали звание подмастерья, я сосчитал накопленные скиллинги, завязал рюкзак и распрощался с добрыми друзьями. А надо тебе знать, что в Фоборге церковь находится в одном конце города, а сторожевая башня в другом. Вечером я проходил мимо башни и там встретил Марию. Она взяла мою голову в ладони и поцеловала — прямо в губы. Меня словно обожгло, никогда с тех пор ничей поцелуй не пронизывал меня так до мозга костей; как хотелось мне, чтобы весь город видел меня в эту минуту! Но мы были наедине. Я посмотрел на верхушку башни. Там нет настоящей галереи для стражников, она лишь нарисована на стене, а на ней — два стражника в натуральную величину и в красках; различить их можно до сих пор, потому что их все время подновляют. Как я хотел, чтобы они были живыми! Я не удержался и в сердце своем произнес: «Вы видели, как самая красивая девушка в городе поцеловала меня!»

— И после этого вы обручились? — спросил фельдфебель.

— Ну да, что-то в этом роде. Я разохотился, как зверь, почувствовавший вкус крови, но я был непоседой и дома не остался, наоборот, после этого случая путешествовать еще больше тянуло. Пять лет бродил я из страны в страну. Я был подручным у порядочных людей, у славных мастеров, но оставался все таким же непоседой.

— А не стали вы после поцелуя Марии охочи до женщин?

— Не хочу казаться лучше, чем я есть, но, Бог свидетель, когда в чужой стране в первый раз обнялся и поцеловался с женщиной, я вспомнил Марию. Она смотрела на меня, и, знаете, я даже покраснел. Вообще-то я всюду чувствовал себя своим. Прожив месяц в городе, я был там как дома, своих тамошних приятелей словно знал всю жизнь и насвистывал вместе с ними их немецкие песенки. Лишь когда что-то воистину потрясало меня, например старый собор Святого Стефана в Вене или высокие горы, к склонам которых лепились облака, а у подножия все цвело и плодоносило, как в самом богатом саду, перед моим мысленным взором вставал Фоборг со всеми добрыми знакомыми; слезы выступали у меня на глазах при виде великолепия мира, и я невольно вспоминал сторожевую башню в Фоборге с намалеванной галереей и двумя изображениями стражников, которые видели, как Мария поцеловала меня, и мне думалось, что для меня все здесь было бы еще стократ красивее, будь рядом старая башня, а под ней — Мария в своей душегрейке и зеленой юбке. Но я начинал насвистывать песенку, и опять становилось весело на сердце. Тра-ля-ля! И я вместе с товарищами продолжал путь по белу свету.

— Но ведь и у нас здесь тоже красиво, — перебил его фельдфебель.

— Да, красиво, когда цветут фруктовые деревья, когда клеверные поля благоухают, как букет засушенных цветов в кувшине! Но стоит перевалить через высокие синие горы, что называются Альпами, и словно попадаешь в большой сад; с ним не сравнится графское имение Глоруп, он превосходит любой королевский парк в северных странах! Чужеземцы высекают из гор мрамор, белый, как сахар, и строят из него дворцы, мраморные колонны увивает виноград, крупный и мясистый, как наши сливы. Три года провёл я там; а потом однажды пришло письмо от племянника из Хорне, и внизу с самого краю была приписка: «Привет от Марии, она просит не забывать ее». Она приписала это собственной рукой. От этих слов сердце мое растаяло, я понял, что это и есть любовь, и с тех пор уже не знал покоя. Я тосковал, меня тянуло домой, и я решил вернуться. Много ночей шел я в одиночестве, мимо больших монастырей, через города, через горы и долины; наконец я снова услышал датскую речь, увидел шпиль церкви в Хорне, поросшие вереском пригорки у Фоборга, и я посватался к Марии и получил согласие. Теперь уж я больше не странствую. Лишь смотрю на аистов, как они улетают в далекие края и возвращаются домой. Порой меня одолевает тоска, но Мария придумала средство, как с ней бороться: каждое лето один раз мы выезжаем на лодке на остров Торсенг и немного гуляем там. Чем не путешествие? В долгие странствия отправится мой сын, когда вырастет. Он шустрый мальчик.

— И за это мы ему тоже дадим хлебнуть, — ответил фельдфебель, протягивая ребенку полрюмки.

Мальчик схватил ее обеими руками и выпил, слезы потекли у него из глаз.

— А вот и наша мадам, — приветствовал фельдфебель входящую Марию. Пышная фигура, большие темные глаза — да, ради такой стоило вернуться с юга. Она сурово посмотрела на мужа, зато на долю

гостя, потрепавшего ее по плечу, выпал короткий, но довольно любезный кивок. — Я сейчас выслушал всю вашу любовную историю. Слово в слово.

— Да, он только это и умеет, — отрезала Мария и положила свою косынку в ящик комода. — Коли уж на этом юге так распрекрасно, мог бы там и оставаться. Одному Богу известно, что ему понадобилось здесь. То ему слишком холодно, то дождь идет слишком часто. Я и говорю ему: уезжай! Никто тебя не держит. Я могу пойти в услужение и уж как-нибудь прокормлю мальчика!

— Мария, — сказал ее муж, — ты это, конечно, не всерьез. Если бы я не вернулся, ты небось по сей день сидела бы в девках.

— Я могла бы иметь хоть дюжину мужей! Сын богатого крестьянина из Эрбека сватался ко мне еще до тебя, только душой я была, как все мы, бабы.

— И ты не пожалела об этом, Мария, — нежно произнес муж и прижался щекой к ее щеке. Она поцеловала его. Улыбнулась и вышла на кухню, откуда вскоре заскворчала рыба, жарившаяся на ужин для маленького семейства.